

Майкл Кирван Рене Жирар. «Театр зависти. Уильям Шекспир»*

Сборник эссе о Шекспире, вышедший под названием «Театр зависти», – единственная книга, которую Рене Жирар сначала написал по-английски, а потом перевел на французский язык¹. В предисловии к сборнику автор оговаривает: «Мои размышления о Шекспире неразрывно связаны со всем, о чем я пишу...» (р. 3). Это довольно смелое утверждение, особенно если вспомнить, что научные интересы Жирара охватывают самые разные сферы гуманитарного знания: антропологию культуры, психологию, историю, богословие и литературоведение. По сути, оно означает, что статьи о шекспировской драматургии – еще один ключ к миметической теории, задающей сквозную тему всех изысканий Жирара.

Есть только два писателя, которым Рене Жирар посвятил отдельные книги. Первый – Уильям Шекспир, второй – Федор Достоевский². Сам собой напрашивается вопрос: что притягивало его к двум великим фигурам, которых разделяют три столетия? Ответ дает сам Жирар: «Меня всегда привлекали писатели, настойчиво пытавшиеся понять, как исподволь конфликт стирает различия, которые пытается проявить». Иными словами, его занимала природа свойственного каждому из нас страха утратить самобытность, настолько сильного, что человек готов перенять чуждые формы поведения, лишь бы подчеркнуть и отстоять свою неповторимость. К сожалению, попытки усвоить и «отзеркалить» жесты другого, приводят к обратному результату: мы обезличиваемся, превращаемся в «миметических двойников» друг

¹ *A Theatre of Envy: William Shakespeare*, New York: Oxford University Press, 1991. При том, что книга изначально была написана по-английски, ее французская версия *Shakespeare: les feux de l'envie*, была издана первой.

² *Dostoïevski, du double à l'unité*, Paris: Plon, 1963; *Resurrection from the Underground: Feodor Dostoevsky*, New York: Crossroad, 1997. Рус. пер.: Рене Жирар, *Достоевский: от двойственности к единству*, М.: ББИ, 2013.

*Предисловие к книге Рене Жирара «Театр зависти. Уильям Шекспир», готовящейся к выходу в издательстве ББИ.

друга. Шекспир и Достоевский блестяще показали этот парадокс человеческих отношений.

Для многих послевоенных французских философов вопрос о природе желания становится отправной точкой размышлений о личностной аутентичности. В значительной мере это произошло под влиянием Александра Кожева, точнее, его лекций о Гегеле, прочитанных в Париже в конце 1930-х годов. Кожев, в частности, интерпретировал гегелевский тезис о фундаментальной потребности каждого субъекта в признании (*Anerkennung*), в том, чтобы его бытие было подтверждено другим. Быть субъектом для меня означает «завладеть» желанием другого, сделать так, чтобы его внимание было направлено на меня. Я так отчаянно этого хочу, что готов бороться с другим, если потребуется, насмерть, лишь бы привлечь его внимание, стать для него «желанным».

Борьба за *Anerkennung* столь же изначальна и жестока, как борьба за жизнь. Она приводит к появлению узнаваемой и четко структурированной иерархической модели, к отношениям «господина и раба», в которых победитель полностью подчиняет себе побежденного. Однако парадокс этой иерархии состоит в том, что «господство» одержавшего победу всецело зависит от присутствия «раба», который подтверждает признанность «господина» и почитает его.

«Миметическая теория» Рене Жирара во многом близка гегелевской — далеко не оптимистичной — апологии Желания. Люди связаны друг с другом амбивалентными отношениями, в которых переплетаются взаимный восторг и взаимная вражда. Нас привлекает то, чем владеет другой или само его бытие, поэтому мы тщетно пытаемся другому подражать. Неудача неизбежно поднимает в душе бурю негодования, побуждает к ресентименту, оскорбленные чувства «рикошетят» друг о друга. Иначе говоря, жизнь — не просто театр, но «театр зависти», поле битвы предельных страстей, с поразительной точностью изображенных Достоевским, прежде всего, в малых формах. Так, например, в «Двойнике» и «Записках из подполья» он обстоятельно исследует патологию ресентимента, в «Вечном муже» показывает, как переменчивое желание множит следующие один за другим любовные треугольники главного героя.

Чуткость к подобному парадоксу «неосуществленного различия» или «желания, обернувшегося кошмаром» Жирар обнаруживает лишь у немногих писателей, вошедших в «большой канон» европейской литературы (в их числе он называет также Сервантеса, Пруста, Стендаля и Флобера). Чем глубже конфликт, полагает он, тем очевидней, что противники бьются не ради воделенного «объекта», а за обладание самим «бытием» другого. Тяга к «объекту» в жираровской терминологии определяется как

приобретательский мимесис, соперничество за бытие он называет *метафизическим* желанием. Оно неизбежно вводит в область трансцендентного и «священного». Жирар убедительно доказывает, что образы и метафоры идолопоклонства, богослужебных практик, трансцендентного в его разнообразных проявлениях постоянно присутствуют даже у столь «нерелигиозного» писателя, как Пруст.

Тем более они очевидны у Шекспира. Соперничество за *объекты* и вокруг *бытия* так или иначе прослеживается в пьесах всех жанров, но, пожалуй, отчетливей всего оно проявляется в двух исторических тетралогиях и тех великих трагедиях, где идет *борьба за престол*. «Корона», за которую одержимо, безжалостно бьются Ричард II, все Генрихи, Лир, Макбет — это метафора предельного осуществления всех желаний, абсолютной власти, освященной божественным авторитетом; по сути, битва идет за признание *par excellence*. «Иметь» (корону) означает «быть» (королем) — неслучайно в сцене низложения Ричарда недавний король и его соперник Болингброк «с двух сторон» держатся за корону, словно пытаются перетянуть ее друг у друга.

Сквозь хроники проходит цепная реакция соперничества, которые охвачены облененные властью «миметические двойники»: Ричард II восстает против «изменника» Болингброка; Болингброк (теперь Генрих IV) — против своего сына, принца Хэла, который станет королем Генрихом V, принц Хэл — против лукавого Фальстафа, а также против своего соперника Генри Перси, прозванного Хотспером. При этом Хэл предстает идеальным монархом, особенно в сравнении со слабым и «никчемным» Ричардом II³.

Однако насилие «исподволь стирает различия, которые пытаются проявить». В хрониках, относящихся к Войне Алой и Белой Розы, дана ужасающая картина размывания различий в междоусобном конфликте, где люди,

...подобные и свойством и природой,
Встречались недругами в распрях братских
И в стычках яростных гражданской бойни...⁴

Вместо того, чтобы жить в согласии, соотечественники и даже сородичи восстают друг на друга. Одна из самых жестоких сцен во второй части хроники «Генрих VI», предвзывает авторской ремаркой: «Входит человек, только что убивший своего отца... входит отец, только что убивший собственного сына». По сути,

³ Это сопоставление — один из ключевых структурных элементов второй исторической тетралогии («Ричард II», «Генрих IV», ч. I и II, «Генрих V»).

⁴ «Король Генрих IV», часть первая, пер. Вл. Морица и М.А. Кузмина, в: Вильям Шекспир, *Полное собрание сочинений в восьми томах*, М.-Л.: Academia, 1937, т. 3, с. 237.

происходит тот распад всех социальных и культурных институтов, о котором говорит Улисс в знаменитом монологе о «ступени» (“Degree”) в «Троиле и Крессиде»: стоит впустить хаос, «раздор воспрянет... и сын замучит дряхлого отца»⁵.

Беспокойство о космическом и социальном порядке, явный страх перед хаосом, который вносят распри, — одна из главных тем шекспировского театра. В драматургии Шекспира, справедливо замечает Жирар, можно найти немало имен для разрушительного миметического переживания — «зависть», «ревность», «соперничество», «тяжба». Подобной лексикой изобилуют исторические хроники, но, как ни странно, Жирар к ним почти не обращается. На периферии авторского внимания остаются и великие трагедии, главных героев которых бросают вызов трансцендентному: Лир стремится удержать свое «право престола», Макбет старается любой ценой это право заполучить. Интересуют Жирара, главным образом, тексты, которые, по его мнению, наилучшим образом позволяют представить разные грани миметической теории. Так, в комедии «Сон в летнюю ночь» «взаимозаменяемость» юных влюбленных и прочие метаморфозы комедии иллюстрируют переменчивость желания. Сюжет трагедии «Юлий Цезарь» строится вокруг обезличивающего «заговора» завистников против Цезаря; он становится жертвой бессмысленного кровопролития, которое убийцы представляют как необходимое жертвоприношение. Наконец, «Зимняя сказка» устами короля Леонта повествует о том, какой ценой изживается губительная ревность и о всеилии благодати, несущей примирение. Значительная часть рассуждений Жирара, собранных в этой книге, так или иначе подсказана «медленным чтением» этих трех пьес.

Из этого чтения следует довольно рискованный вывод: оказывается, за четырьмя десятилетия до того, как Рене Жирар сформулировал свою миметическую теорию, Шекспир уже был его единомышленником! Но, прежде, чем возмутиться подобной самонадеянностью, следует заметить, что дерзость этого утверждения уравновешивается ироничностью автора, а также множеством заслуживающих уважения оговорок. Жирар очень серьезно относится к своим мнениям и трактовкам, но говорит о них легко, не выпячивая и не навязывая себя. По сути, он пытается убедить читателя в том, что, двигаясь с разных сторон, они с великим драматургом пришли к трем схожим идеям: а) существует миметическое желание, которое б) порождает соперничество, побуждает к преследованию жертвы и насилию над ней, но само желание, равно как и его последствия, может быть «выправлено» и преображено посредством перемены ума, прощения и примирения. Здесь следует заметить, что Жирар

⁵ «Троил и Крессиде», пер. Л.С. Некора, с. 242.

мыслит такое примирение и открытость благодати исключительно в рамках иудео-христианского откровения, они возможны только во Христе, тогда как богословский контекст выхода к примирению, который, несомненно, присутствует в последних пьесах Шекспира, на мой взгляд, не столь очевиден.

Многие с Жираром не согласятся: дескать, он слишком схематически «приспосабливает» Шекспира к довольно спорной теории, описывающей архетипы культуры. Подобные возражения вполне оправданны, но вряд ли нужно полностью принимать миметическую теорию, чтобы понять, насколько убедителен предложенный в книге обстоятельный анализ шекспировских текстов. Достаточно задуматься: объясняют ли жираровские построения логику «снежного кома», по которой разворачивается заговор в первых главах «Юлия Цезаря»? Позволяют ли они глубже осознать смысл «превращений», случившихся в «шалую ночь», и таинственную силу «любовного празднорозета»? Приближают ли к пониманию парадоксальной лекции о Гамлете, которую читает Стивен Дедал в «Улиссе»?

По словам Жирара, оправдать его попытку взяться за еще одну, в ряду многих, книгу о Шекспире может только «безграничная любовь к предмету». Утверждение, конечно, смиренное, но это мнимая скромность: сам Жирар твердо убежден в исключительной актуальности своей теории. Здесь я с ним согласен. В ядерную эпоху, когда простым нажатием кнопки запускается механизм взаимно-гарантированного уничтожения, вряд ли уместно рассуждать, в чем именно «ошибается» Гамлет, когда отказывается мстить за убийство отца. Вместо того, чтобы призывать его к справедливому воздаянию, имело бы смысл задуматься, что удерживает его от кровной мести и побуждает ставить под вопрос саму этику возмездия. Катастрофы XX века, запечатлевшиеся в биографии Жирара (подростком он пережил оккупацию Парижа, а начало его академической карьеры приходится на годы «холодной войны»), заставили по-новому осмыслить мучительную правду «Гамлета», «Венецианского купца», других шекспировских текстов. Польский режиссер Ян Котт верно заметил, что Шекспир «остается нашим современником». Вполне объяснимо, что Рене Жирар, выдающийся современный теоретик насилия, нашел в нем единомышленника.

Перевела с английского Светлана Панич

Ключевые слова: Рене Жирар, Уильям Шекспир, желание, миметическая теория;

Keywords: Rene Girard, William Shakespeare, desire, mimetic theory.